

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как, несмотря на всяческие ухищрения, князь демонов все же не смог достичь своей цели и как Великому Мудрецу обманным путем удалось заполучить талисманы

Итак, получив от Сунь У-куна тыкву, оба духа долго рассматривали ее. Когда же они наконец подняли голову, Сунь У-куна и след простыл.

— Послушай, брат, — сказал Лин Ли-чун, — оказывается, бессмертные тоже умеют врать. Когда он обменивал свой талисман, то говорил, что поможет нам обрести бессмертие. Почему же он скрылся, даже не попрощавшись с нами?

— Ну, сейчас у нас есть прекрасное средство, чтобы справиться с ним, — сказал на это Цзинь Си-гуй, — разве посмеет он скрыться от нас? Дай-ка мне эту тыкву, я попробую захватить в нее небо, посмотрим, что из этого выйдет.

Взяв тыкву, он подбросил ее вверх, но тыква тотчас же с шумом грохнулась на землю.

— Что случилось? — воскликнул с тревогой Лин Ли-чун. — Уж не превратился ли этот Сунь У-кун в бессмертного и не подсунил ли нам какую-нибудь подделку в обмен на наши талисманы?

— Ну, что ты болтаешь, — сказал на это Цзинь Си-гуй. — Сунь У-кун придавлен тремя горами, как же мог он выбраться оттуда? Ну-ка, дай мне тыкву, я попробую произнести заклинание, которое произносил он, — посмотрим, может быть, мне и удастся захватить небо в тыкву.

Взяв тыкву, он подбросил ее и произнес:

— Если только ты вздумаешь отказать мне, я явлюсь в зал Священного небосвода и учиню бунт.

Но не успел он договорить, как тыква снова с шумом упала.

— Ничего не выходит! — воскликнули они в один голос. — Конечно, это подделка!

Сунь У-кун все видел и слышал. Испугавшись, как бы о его проделке не узнали, он встряхнулся, вернул на место свой волосок, который превратил в тыкву, и в руках у духов ничего не осталось.

— Брат, дай-ка мне тыкву, — сказал Цзинь Си-гуй.

— Да ведь ты держал ее, — отвечал Лин Ли-чун. — Боже мой, да где же она?! — воскликнул он.

Тут оба духа в испуге заметались, стали искать тыкву на земле, в траве, в рукавах, за поясом. Но, увы, ее нигде не было.

— Как же так? Что теперь делать?! — в отчаянии вопрошали они, испуганно уставившись друг на друга. — Вручая нам эти талисманы, начальник велел выловить Сунь У-куна. А мы не только не выловили Сунь У-куна, но и лишились талисманов. Как же мы вернемся и что скажем? Да ведь нас теперь просто забьют до смерти! Что делать? Что делать?

— Бежать надо — вот что! — решительно сказал Лин Ли-чун.

— Бежать? Но куда? — спросил Цзинь Си-гуй.

— Куда глаза глядят, — отвечал Лин Ли-чун. — Ведь вернуться без талисманов, значит, обречь себя на верную гибель.

— Нет, бежать нам не следует, мы должны вернуться, — сказал Цзинь Си-гуй.

— Наши начальники хорошо к тебе относятся. Поэтому я свалю всю вину на тебя. Если они посмотрят на это дело не очень строго, мы останемся живы. В противном случае нас убьют, и наши души вернутся сюда. А сейчас надо постараться выйти из положения.

Договорившись, как им действовать, духи отправились к себе на гору. А Сунь У-кун встряхнулся, превратился в муху и полетел вслед за ними. Читатель, возможно, удивится, куда же Сунь У-кун девал свои талисманы? Может быть, он оставил их на дороге или спрятал в траве? Но в этом случае кто-нибудь мог увидеть их и забрать. Тогда все его труды пропали бы даром. Нет, он все же взял талисманы с собой. Вас, вероятно, удивляет, как могла муха унести с собой такие вещи? А дело, оказывается, обстояло вот как: эти талисманы точно так же, как посох, могли уменьшаться ровно во столько, во сколько уменьшался их владелец.

Итак, Сунь У-кун, жужжа, полетел за духами, очень быстро нагнал их и сел на одного. Вместе с ними он влетел в пещеру, где два повелителя духов распивали вино. Представ перед своими начальниками, духи-служители опустили на колени. А Сунь У-кун устроился на стоявшем около дверей шкафу и приготовился внимательно слушать.

— О повелители! — произнесли духи в один голос.

— Явились? — спросили старшие духи, отодвигая рюмки.

— А Сунь У-кун где? — последовал вопрос.

Тут духи стали отбивать поклоны, не решаясь даже слово вымолвить. На последующий вопрос они тоже не ответили и только продолжали отбивать поклоны. И лишь после того как начальники повторили свой вопрос несколько раз, духи, дрожа от страха, повалились на

землю.

— О, сжальтесь над нами, мы совершили тяжкое преступление! Пощадите! — взмолились они.
— Мы достигли уже половины горы, как вдруг повстречали бессмертного, прибывшего с острова Пэнлай. Он спросил нас, куда мы путь держим, мы ответили, что идем ловить Сунь У-куна. Бессмертный вызвался нам помочь, сказав, что у него свои счета с Сунь У-куном. Мы не стали просить его о помощи, но рассказали о том, что у нас есть волшебный талисман, при помощи которого можно поймать человека. А у бессмертного оказалась тыква, в которую он мог захватывать небо. И вот у нас появилось безумное желание. Стремясь увеличить свое могущество, мы решили обменять наши талисманы на волшебную тыкву. Сначала мы думали обменяться только тыквами, ну, а потом Лин Ли-чун отдал в придачу также и кувшин. Но кто мог подумать, что вещь, послушная бессмертному, станет совершенно негодной в наших руках? Как только мы попытались воспользоваться вымененным талисманом, он исчез куда-то бесследно, а вместе с ним и бессмертный. Умоляем вас простить нам наш смертный грех!

Услышав это, повелитель духов так и вскипел.

— Довольно! Хватит! — загремел он. — Да знаете ли вы, что этот бессмертный и был сам Сунь У-кун! Он просто надул вас! Волшебные силы этой обезьяны поистине огромны. У нее повсюду есть свои духи. Интересно знать, кто же это выпустил ее и помог ей обманным путем завладеть талисманом?

— Не гневайся, брат, — сказал тут второй повелитель духов. — Нельзя, конечно, разрешать этой обезьяне так безобразничать. Подумать только, ну, пусть даже она владеет необыкновенными способностями, так ведь можно было воспользоваться своим искусством и скрыться. Для чего же ей понадобилось обманным путем завладеть талисманами? Не будь я дух Западной страны, если не поймаю этого мошенника.

— Как же ты думаешь сделать это? — спросил первый повелитель духов.

— У нас есть пять талисманов, — отвечал тот. — Ну, пусть два пропали, но ведь осталось еще три. Вот с их помощью и нужно изловить эту обезьяну.

— Какие же это три талисмана? — поинтересовался первый дух.

— У нас еще есть семизвездный меч и веер из листа банана, — отвечал второй. — Они всегда при мне. И есть еще один талисман — это золотой шнур от занавеса, который находится у моей матери, в пещере Поверженного дракона, на горе, которая также называется горой Поверженного дракона. Надо немедленно отправить за ней двух духов, пусть придет полакомиться мясом Танского монаха, а также попросить ее захватить с собой золотой шнур от занавеса, для того чтобы изловить Сунь У-куна.

— Кого же мы можем послать туда? — спросил один из повелителей.

— Этих никчемных негодяев мы, конечно, не пошлем, — сказал второй повелитель и крикнул Цзинь Си-гую и Лин Ли-чуну, чтобы они убирались вон.

«Ну, нам здорово повезло! — подумали они. — Нас не только не побили, но даже не отругали. Мы прощены!»

— Пусть это сделают постоянные сопровождающие — Башаньху и Ихайлун.

Духи-служители низко склонились.

— Да смотрите, будьте поосторожнее! — приказал второй дух.

— Слушаемся, — отвечали те.

— Все сделайте как следует! — продолжал дух.

— Будет сделано! — последовал ответ.

— А вы знаете, где живет моя мать? — спросил начальник.

— Знаем, — хором отвечали духи.

— Ну, тогда отправляйтесь в путь сейчас же. Передайте моей матери поклон и пригласите ее отведать мяса Танского монаха. Да пусть непременно захватит с собой золотой шнур от занавеса, чтобы выловить Сунь У-куна.

Получив приказ, духи стремительно бросились выполнять его. Им и в голову не приходило, что все это время Сунь У-кун находился рядом с ними и слышал все, что здесь говорилось. Распустив крылья, он полетел за ними вслед и, нагнав их, уселся на духа по имени Башаньху. Когда они прошли уже около трех ли, Сунь У-кун решил убить духов, однако, поразмыслив немного, подумал:

«Убить их — дело не мудреное. Однако золотой шнур от занавеса находится у матери одного из начальников, а где она живет, я не знаю. Расспрошу-ка я их об этом, а потом убью». Подумав так, он покинул свое место на спине духа, где вначале так было удобно устроился, и шагов на сто отстал, чтобы превратиться в духа-прислужника. Теперь на нем были лисья шапка и кафтан из тигровой шкуры.

— Эй вы, путники! — крикнул он, нагоняя духов. — Обождите меня!

— А ты откуда взялся? — обернувшись, спросил его Ихайлун.

— Что же это ты, брат, своих не узнаешь, — укоризненно сказал Сунь У-кун.

— А я не знаю тебя, — отвечал дух.

— Как это не знаешь, — притворился возмущенным Сунь У-кун. — А ну, посмотри хорошенько!

— Совершенно не знаю! Никогда и не видел!

— А что же, это, пожалуй, верно, вы и не могли видеть меня, — подтвердил Сунь У-кун. — Я из слуг, которые не состоят при хозяине в его доме.

— Да, мы не встречаемся с такими слугами. Куда же ты идешь? — спросили духи.

— Наш начальник сказал, что он отправил вас за его матерью, чтобы она отведала мяса Танского монаха и, кроме того, захватила с собой золотой шнур от занавеса для того, чтобы поймать Сунь У-куна. Однако, опасаясь того, что вы можете замешкаться, так как любите полодырничать и тем самым можете задержать выполнение порученного вам важного дела, он решил послать меня, чтобы я поторопил вас.

У духов рассказ Сунь У-куна не вызвал ни малейшего сомнения; они признали его своим и, выслушав, бросились вперед, в один миг пробежав девять ли.

— Быстрее, быстрее, — поторапливал их Сунь У-кун. — Сколько еще осталось?

— Да еще ли шестнадцать, — отвечали те.

— А сейчас сколько? — немного погодя, снова спросил Сунь У-кун.

— Вот там, в лесу Улиньцы, она как раз и живет, — сказал Ихайлун, указывая рукой вперед.

Посмотрев в том направлении, куда он указывал, Сунь У-кун увидел мрачный, густой лес и понял, что это и есть обитель старой ведьмы. Тогда он остановился, пропустил вперед духов, а сам вынул свой посох и, догнав их, нанес страшный удар в спину. Ничего не подозревая, несчастные духи не успели увернуться от удара и превратились в кровавое месиво. Сделав свое дело, Сунь У-кун оттащил трупы в сторону и спрятал их в траве. Затем он выдернул у себя волосок и, дунув на него, сказал:

— Изменись!

И волосок тотчас же принял образ духа Башаньху, а сам Сунь У-кун превратился в духа Ихайлуна. После этого он, в образе двух духов, отправился прямо в пещеру Поверженного

дракона, чтобы пригласить старую ведьму в гости к сыну. Это говорило о его огромной волшебной силе, позволявшей ему производить семьдесят два превращения по своему желанию.

Пройдя еще немного, он вскоре достиг леса и стал искать жилище старой ведьмы. Вдруг он увидел каменные двери, они были полуоткрыты. Не осмеливаясь сразу войти внутрь, он громко крикнул:

— Откройте! Откройте!

Этот крик переполошил привратницу и, выглянув из дверей, она спросила:

— Вы откуда пришли?

— Мы посланцы из пещеры Цветов лотоса на горе Пин-диншань, — отвечал Сунь У-кун, — и пришли за почтенной мамашей.

— Входите, — пригласила их привратница.

Когда они были уже перед вторыми воротами, Сунь У-кун быстро заглянул внутрь и увидел старуху, которая сидела посреди комнаты.

Растрепаны волос седые пряди,
Но звездный свет в ее сверкает взгляде.

Лицо давно изрезали морщины,
Зубов осталось меньше половины,

А кожа стала дряблой и багровой,
Но все ж казалась женщина здоровой,

И хризантему, что уже увяла,
Лицо ее сейчас напоминало.

И было что-то в старческой фигуре
Сосне подобно, выдержавшей бури;

Она блистала головным убором:

Платок был белым, с золотым узором,

А в уши серьги золотые вдеты,

И в них сияли ярко самоцветы.

Увидев ее, Великий Мудрец не решился войти внутрь и, оставаясь за вторыми дверями, тихонько заплакал. И что бы вы думали его опечалило? Неужели он испугался старухи? Конечно, нет. Если бы даже он испугался, то все равно из него трудно было бы выжать слезы. Ведь ему уже удалось обманом заполучить волшебные талисманы, он сумел перехитрить духов и убил их. Что же заставило его плакать?

Даже когда его опустили в котел с кипящим маслом и несколько дней подряд варили, он и то ни разу не заплакал. Но сейчас, вспомнив о тех трудностях, которые приходилось переносить в пути, он не мог сдержать слез.

«Я пустил в ход все свое умение, чтобы превратиться в духа-служителя и пригласить эту старую ведьму, — раздумывал он. — И вот после всего я должен земно поклониться ей. За всю свою жизнь я кланялся только троим: Будде в Индии, бодисатве с Южного моря и еще на горе Усиншань я совершил четыре поклона перед учителем, когда он спас меня. Для него я самозабвенно трудился, разрывая от натуги свою печень и легкие, для него призывал на помощь всю свою сообразительность. Хотелось бы знать, сколько может стоять одна сутра. Вот сегодня мне приходится совершать поклоны перед этой ведьмой, но я не выдам себя. Как все это тяжело! Сколько унижений приходится терпеть, чтобы выручить учителя из беды!»

Подумав так, он пришел к заключению, что у него нет иного выхода и, быстро войдя в помещение, склонился до земли перед старой колдуньей.

— Почтенная мамаша, разрешите засвидетельствовать вам свое уважение, — произнес Сунь У-кун.

— Встань, сын мой! — сказала колдунья.

«Прекрасно, чудесно, замечательно! — подумал Сунь У-кун. — По тому, как она обратилась ко мне, видно, что все идет хорошо».

— Откуда ты? — спросила его колдунья.

— Из пещеры Цветов лотоса с горы Пиндиншань, — отвечал Сунь У-кун. — Наши повелители приказали пригласить вас, почтенная мамаша, отведать мяса Танского монаха, а также передать вам, чтобы вы захватили с собой золотой шнур, при помощи которого можно изловить Сунь У-куна.

— Вот уж поистине, сына моего можно назвать почтительным, — довольная, сказала колдунья и тут же распорядилась, чтобы ей подали носилки.

«Ну и дела, — подумал Сунь У-кун, — горные духи, оказывается, тоже передвигаются на

носилках».

Из заднего помещения две служанки вынесли носилки, сделанные из душистых лиан, и поставили их около дверей. Носилки были завешаны зеленым шелком. Старая колдунья вышла из пещеры и села на носилки. За носилками шло несколько служанок, которые несли ящик с туалетными принадлежностями, зеркало, полотенца и коробки с ароматными веществами.

— А вы зачем идете?—обратилась к ним колдунья. — Неужели у моего сына не найдется, кому ухаживать за мной? Думаете, кому-нибудь нужны ваши лесть и болтовня? Марш домой и закройте покрепче дверь.

После этого все служанки вернулись в дом, остались только те, которые несли носилки.

— Эй, посланцы!—крикнула колдунья, — как вас зовут?

— Его зовут Башаньху, — поспешил ответить Сунь У-кун, — а меня — Ихайлун.

— Ну так вот, идите вперед и показывайте дорогу.

«Эх, нескладно получается, — подумал Сунь У-кун. — До священных книг далеко, а пока приходится прислуживать этой ведьме!»

Не смея что-либо возразить ей, он пошел вперед, громко возвещая о появлении колдуньи. Когда они прошли примерно около шести ли, Сунь У-кун присел на скалу и стал поджидать остальных. Наконец служанки с носилками подошли. Тогда Сунь У-кун сказал:

— Не мешало бы немного отдохнуть, каково ваше мнение? Плечи у вас небось давно болят. — Служанки, конечно, не подозревали, какая западня им готовится, и охотно согласились опустить носилки на землю. А Сунь У-кун в это время стал позади носилок, выдернул у себя волосок, превратил его в большую жареную лепешку и стал ее грызть.

— Что это вы кушаете, уважаемый господин? — поинтересовались служанки.

— Даже сказать стыдно, — отвечал Сунь У-кун. — Мы проделали такой длинный путь, думали — нам хоть что-нибудь преподнесут. Я сильно проголодался. Но, увы! Хорошо еще, что захватил с собой лепешку. Вот поем немного и пойдем дальше.

— Дали бы и нам немного поесть, — попросили служанки.

— Ну что ж. Мы — люди свои, что тут считаться, — согласился Сунь У-кун.

Служанки, ничего не подозревая, стали делить лепешку.

А Сунь У-кун взмахнул своим посохом и изо всех сил ударил их по головам. Одну из них, которая пыталась оказать сопротивление, он убил наповал, другой же удалось отвести от себя посох, и он только ранил ее. Служанка застонала. Колдунья, услышав стон, выглянула из носилок посмотреть, что случилось. Тогда Сунь У-кун подскочил к ней и одним ударом проломил ей голову. Мозги разлетелись в разные стороны, хлынула кровь. Сунь У-кун вытащил колдунью из паланкина и стал рассматривать. Оказалось, что это была всего-навсего девятихвостая лисица.

— И это отвратительное создание называли почтенной мамашей. Да если ты называлась мамашей, так меня надо величать прародителем всех предков!

После этого прекрасный Царь обезьян отыскал золотой шнур, спрятал его в рукав и радостно подумал: «Пусть эти мерзкие духи выдумывают теперь что хотят, а три волшебных талисмана у меня в руках».

Затем он вырвал у себя еще два волоска, превратил их в Башаньху и Ихайлуна, а два других волоска превратил в служанок. Сам же он принял образ старой колдуньи и уселся на носилки.

Вскоре он прибыл к пещере Цветов лотоса. Превращенные из его волосков служанки побежали вперед и крикнули:

— Открывайте ворота! Открывайте ворота!

— Башаньху и Ихайлун вернулись? — спросил дух-привратник, выглядывая из ворот.

— Вернулись, — отвечали те.

А где же почтенная мамаша? — спросил привратник.

— А вон паланкин, разве не видишь?

— Вы обождите, — сказал привратник. — Я пойду доложу.

Почтенная мамаша пожаловала, господин, — сказал он, представ перед повелителями духов.

Услышав это, повелители приказали приготовить для воскурения фимиам и вышли навстречу госте.

«Ну, все идет как нельзя лучше! — подумал довольный Сунь У-кун. — Теперь настал мой черед

восстановить свою честь. Когда я в образе горного духа предстал перед колдуньей, мне пришлось совершить перед ней земной поклон. Теперь же я сам прибыл сюда под видом старой колдуньи, и они должны совершить передо мной, как перед матерью, четыре земных поклона. Как бы там ни было, а теперь мне должны поклониться оба начальника».

Итак, прекрасный Царь обезьян сошел с носилок, оправил на себе одежду и вернул на прежнее место все четыре волоска. Привратники внесли пустые носилки. Сунь У-кун с достоинством следовал за ними. Шел он грациозно и жеманно, стараясь подражать походке и манерам старой колдуньи. Так он вошел в пещеру и тут увидел толпу духов, которые вышли ему навстречу и опустились на колени. В это время заиграли флейты, загрохотали барабаны — пещера огласилась звуками музыки. Из огромной курильницы, изображающей гору Бо-шань, вздымались клубы фимиама. Сунь У-кун проследовал в центральный зал и уселся на главном месте, повернувшись лицом к югу. А повелители духов опустились перед мнимой мамашей на колени.

— Почтенная мамаша, разрешите приветствовать вас, — молвили они, земно кланяясь.

— Встаньте, дети, — с важностью отвечал им Сунь У-кун.

В этот момент висевший на балке под потолком Чжу Ба-цзе не выдержал и расхохотался.

— Тебе, вероятно, очень нравится висеть здесь, — сказал Ша-сэн.

— Да нет, не в этом дело, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— А в чем же? — поинтересовался Ша-сэн.

— Мы боялись, что как только приедет колдунья, нас сразу поджарят и съедят, — сказал Чжу Ба-цзе. — А оказывается это вовсе не колдунья, а опять старая история.

— Что за старая история? — не понял Ша-сэн.

— Да бимавэнь пришел, — отвечал, смеясь, Чжу Ба-цзе.

— Откуда это тебе известно? — спросил Ша-сэн.

— Когда он сказал: «Встаньте, дети», то при этом нагнулся и сзади у него показался хвост. Меня подвесили выше тебя, поэтому мне все хорошо видно.

— Ну ладно, перестань болтать, — сказал Ша-сэн, — послушаем лучше, что они будут говорить.

— Послушаем! — согласился Чжу Ба-цзе.

Между тем Сунь У-кун обратился к хозяевам.

— По какому поводу вы пригласили меня сюда, детки? — спросил он.

— Дорогая мамаша, — отвечали духи. — Мы давно не имели случая засвидетельствовать вам своего уважения и выразить сыновнюю почтительность. А сейчас мой брат поймал прибывшего из Китая Танского монаха. Однако мы не осмелились есть его сами и пригласили вас. Мы хорошенько его поджарим и дадим вам отведать, чтобы вы могли продлить свою жизнь.

— А мне, детки мои, совсем не хочется пробовать мясо Танского монаха, — сказал Сунь У-кун. — Я слышала, что есть такой Чжу Ба-цзе, у которого замечательные уши. Вот бы вы отрезали их и приготовили для меня. Это была бы отличная закуска к вину.

«Черт бы тебя побрал! — услышав это, всполошился Чжу Ба-цзе. — Так ты, оказывается, явился сюда за тем, чтобы обрезать мне уши! А я даже закричать не могу!»

Увы! Всего одна фраза, сказанная Дурнем, раскрыла тайну превращения Царя обезьян. В этот момент в пещеру вбежало несколько духов, они вместе с привратником обходили дозором горы.

— Господин наш! Беда случилась! — кричали они. — Сунь У-кун убил вашу матушку, а сам обманным путем проник сюда!

Услышав это, один из повелителей духов тотчас же взмахнул своим семизвездным мечом и ударил Сунь У-куна по лицу. Но тут произошло настоящее чудо! Великий Мудрец встряхнулся, в тот же миг пещеру озарило золотое сияние, а сам Сунь У-кун исчез. Этот способ представлял собой изумительный трюк! И заключался он в том, что, уплотняясь, Сунь У-кун принимал форму, а рассеиваясь — превращался в пар. У самого главного колдуна душа ушла в пятки. Все остальные духи в растерянности грызли ногти и покачивали головой.

— Дорогой брат, — сказал тут первый начальник. — Надо вернуть Сунь У-куну Танского монаха вместе с Чжу Ба-цзе, Ша-сэном, конем и вещами. Иначе неприятностей не оберешься.

— Что это ты говоришь, брат? — возмутился второй начальник духов. — Сколько сил я потратил, чтобы захватить Танского монаха. А ты так испугался этого Сунь У-куна, что готов все вернуть ему обратно. Ну и трус же ты! Разве такой поступок достоин настоящего воина? Ты пока оставайся здесь и ничего не бойся. Ты говорил, что Сунь У-кун обладает огромной волшебной силой, но я встречался с ним всего один раз, и нам не пришлось посостязаться. Сейчас я надену боевые доспехи, и мы будем драться. Если он после трех схваток не одолеет меня, значит, суждено нам отведать мяса Танского монаха. Если же я после трех схваток не одолею его, тогда мы вернем Танского монаха Сунь У-куну.

— Пожалуй, ты прав, мой мудрый брат,— сказал первый начальник.

После этого они приказали принести боевое снаряжение, и слуги тотчас же выполнили приказ. Второй начальник надел боевые доспехи, подпоясался, взял меч и, выйдя из дверей, крикнул:

— Сунь У-кун, где ты?

А Сунь У-кун в это время сидел на облаке. Услыхав, что его зовут, он обернулся и увидел второго начальника духов. И вы только послушайте, какой на нем был наряд:

Всю грудь кольчуга чудная покрыла,
Блистал на шлеме феникс белокрылый,
И голенища белой кожи гладкой
Ложились ровной и красивой складкой;
Он жилы исполинского дракона
У пояса носил непринужденно;
Лицом, как дух Вершины Возлияний,
Он семизвездный меч имел для брани.
Ничем не отличался от Цзюй Лина,
И было в нем величье властелина,
А гнев его, и грозный и могучий,
Облек все небо в грозовые тучи.

— Сунь У-кун! — грозно крикнул он. — Немедленно верни нам наши талисманы и мать. Тогда я отдам тебе Танского монаха, и вы можете идти на все четыре стороны!

— Ах ты мерзкая тварь! — не выдержал Сунь У-кун. — Ты что же это, не признаешь своего деда? Сейчас же освободи моего учителя, братьев, верни коня и вещи и, кроме того, дай нам денег на дорогу. Не вздумай только артачиться, не то я тебя в бараний рог согну. Лучше не вынуждай меня действовать силой.

Услышав это, второй повелитель духов прыгнул в воздух и, размахивая мечом, ринулся на Сунь У-куна. Тот, в свою очередь, бросился на противника. И вот в воздухе разгорелся ожесточенный бой:

На шахматной доске

Вступая в состязанье,
Встречается король
С природным дарованьем.
Когда же игроки
Себе находят равных,
Как шахмат не любить,
Старинных, достославных!
С талантом королю
Приходится сразиться
И для такой игры
Немало потрудиться.
Вступили здесь в борьбу
Два звездных полководца:
Так тигров смертный бой
Средь Южных гор ведется.
Так в северных морях
Сшибаются драконы,
И блеск от чешуи
Скользит в воде зеленой.
Когда же тигры рвут
Когтями и зубами,
То россыпи зубов
Цепляются крючками.
Когда же чешуя
Огнем зажжется звездным,
Осколки полетят
Кругом дождем железным.
Враги же, в волшебстве

Стяжавши подкрепление,
Бросались то назад,
То снова в наступление.
И промаха они
Не делали ни разу:
То посох с ободком
Вздыхался без отказу,
От вражьей головы
В трех фынях пролетая.
То грозного меча
Сверкала сталь литая,
На палец в глубину
Грозил пронзить он тело;
Величие бойца
Грозою прогремело.
Противник же его
В отваге непреклонной
Созвездьем южным был —
Медведицей студеной.
А перед ним — другой,
Чья доблестная сила,
И молнию и гром
Величием затмила.

Уже тридцать раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

«А этот негодяй, оказывается, в состоянии противостоять моему посоху, — с одобрением думал Сунь У-кун. — И все же вести с ним бой — значит попусту тратить время. Ведь у меня есть три волшебных талисмана. Возьму-ка я тыкву или кувшин и захвачу волшебника! Нет, так, пожалуй, нехорошо, — продолжал он размышлять. — Ведь недаром говорит пословица: «Вещи

покорны желаниям своего хозяина». Если я позову его, а он не откликнется, я могу все дело испортить. Попробую-ка я использовать золотой шнур, чтобы поймать его».

И наш чудесный Великий Мудрец в одной руке держа посох и отражая меч противника, другой взял золотой шнур и с шумом накинул его на голову духу. Но тут следует сказать вот еще о чем: сила этого шнура проявлялась лишь в том случае, когда произносились заклинания, — одно называлось заклинанием крепкого охвата, другое — заклинанием слабого охвата. Если надо было захватить врага — произносили заклинание крепкого охвата, и тогда освободиться было невозможно. Когда же надо было выловить кого-нибудь из своих, произносилось заклинание слабого охвата для того, чтобы шнур не причинил вреда. Противник, узнав свой талисман, произнес заклинание слабого охвата и, распустив шнур, освободился от него. Затем он бросил шнур прямо на Сунь У-куна, и шнур обвил Великого Мудреца. Когда же он попытался уменьшить себя, чтобы избавиться от веревки, второй начальник духов произнес заклинание крепкого охвата, и после этого Сунь У-куну даже нечего было думать о том, чтобы освободиться. Когда Сунь У-кун передвинул шнур до шеи, он был уже крепко охвачен золотой петлей.

Тогда дух дернул нить, подтянул Сунь У-куна к себе и несколько раз ударил его мечом по голове. Однако кожа на голове Сунь У-куна даже не покраснела.

— Вот так обезьяна! — удивился дух. — Ну и крепкая у тебя башка! Пока что я тебя рубить не стану. Отведу-ка я тебя к себе в пещеру, а там мы снова за тебя примемся! Ну-ка, отдавай быстрее остальные талисманы!

— Какие это талисманы ты с меня требуешь? — стал возражать Сунь У-кун.

Тогда дух тщательно обыскал его и нашел тыкву и кувшин. Приведя его в пещеру, он сказал:

— Ну, брат, поймал!

— Кого это ты поймал? — спросил первый начальник духов.

— Сунь У-куна, — отвечал второй. — Иди сюда, смотри!

Взглянув на Сунь У-куна, первый начальник тотчас же узнал его.

— Верно, это Сунь У-кун! — закричал он, весь сияя. — Привяжите его длинной веревкой к столбу около поперечной балки, — приказал он.

Сунь У-куна привязали к столбу, а оба начальника ушли во внутреннее помещение пить вино в честь победы. Увидев, что Сунь У-куна привязали к столбу и он висит рядом с ним, Чжу Ба-цзе пришел в неописуемый восторг и громко расхохотался.

— Что, дорогой брат! — крикнул он. — Так и не удалось отведать моих ушей!

— Эй, Дурень! — крикнул Сунь У-кун. — Тебе, видно, доставляет удовольствие висеть на этой балке? А я вот сейчас уйду отсюда и уж конечно спасу вас.

— Да что ты, спятил, что ли? Или совести у тебя совсем нет?! — крикнул Чжу Ба-цзе. — Ведь самому не уйти отсюда, а думаешь еще о том, чтобы помочь другим. Брось глупости болтать. Мы все вместе найдем здесь свою смерть. По крайней мере легче будет дорогу в ад отыскивать!

— Не говори ерунды! — сказал Сунь У-кун. — Смотри лучше, как я сейчас уйду отсюда!

— Ну что же, посмотрим, как ты это сделаешь! — съехидничал Чжу Ба-цзе.

Между тем, разговаривая с Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун не выпускал из виду обоих начальников духов, которые во внутреннем помещении распивали вино. Около них сустились духи-служители, они приносили блюда с едой, чашки, подавали кувшины с вином. Из-за этой суматохи охрана пленников, естественно, была несколько ослаблена, и когда Сунь У-кун увидел, что рядом никого нет, он пустил в ход свою волшебную силу: вытащив посох, он дунул на него и сказал: «Изменись!» — и в тот же миг посох превратился в напильник. Подтянув к себе кольцо, охватывавшее его шею, Сунь У-кун провел по нему раз пять напильником и разрезал его на две части. Затем он разогнул кольцо по месту разрыва и освободился от пут. После этого он выдернул у себя волосок и, превратив его в свое подобие, привязал вместо себя к столбу. Сам же он встряхнулся, принял вид духа-прислужника и стал в сторонке.

— Ну, это черт знает что такое! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Тот, кто привязан к столбу, поддельный Сунь У-кун, а вот я Чжу Ба-цзе настоящий.

— Что этот Чжу Ба-цзе кричит там? — перестав пить вино, в один голос спросили духи.

Тут Сунь У-кун, принявший образ горного духа, выступил вперед и сказал:

— Да этот Чжу Ба-цзе подстрекает Сунь У-куна принять другой вид и скрыться, а тот не хочет. Вот они и ругаются там.

— Мы думали, что Чжу Ба-цзе — честный парень, — сказали духи, — а он, оказывается, негодяй! Дай ему за это по роже раз двадцать!

Сунь У-кун послушно взял дубинку и приготовился бить.

— Смотри только бей полегче, — предупредил Чжу Ба-цзе. — Не то я снова закричу. Ведь я-то знаю тебя.

— Если я и принимаю каждый раз другой вид, то все это ради вас, — сказал Сунь У-кун. — С какой же стати ты хочешь выдать меня? Ведь ни один дух не может узнать меня, как же тебе это удалось?

— Хоть ты и изменил свою физиономию, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — но зад у тебя остался таким, как и прежде. Может быть, ты станешь отрицать, что он у тебя красный? Вот почему я узнал тебя.

Услышав это, Сунь У-кун тотчас же проскользнул в заднее помещение, пробрался в кухню, потерялся о дно котла, вымазал дочерна обе ягодицы сажей и вернулся обратно.

— Где болталась эта обезьяна, что пришла с черным задом? — снова рассмеялся Чжу Ба-цзе, увидев Сунь У-куна.

Между тем Сунь У-кун пробрался ближе к духам, чтобы как-нибудь выкрасть у них талисман. И поистине следует отдать должное его находчивости. Выступив вперед и дернув старшего духа за ногу, он сказал:

— Господин начальник! Посмотрите на Сунь У-куна, он все время извивается и уже перетер золотой шнур. Надо бы его на всякий случай привязать покрепче.

— Верно! — сказал дух, и с этими словами снял с себя пояс с изображением львов и ланей и передал Сунь У-куну.

Взяв пояс, Сунь У-кун подошел к своему двойнику и заменил шнур поясом. Шнур же он скатал и сунул себе в рукав. Затем он выдернул у себя волосок, дунул на него и, превратив в золотой шнур, почтительно передал его духу. Дух же в это время был занят вином и, не глядя, сунул подделку в карман.

На этот раз волшебная сила Сунь У-куна помогла ему завладеть талисманом. После этого он тотчас же выбежал из пещеры и, приняв свой обычный вид, закричал:

— Эй вы, черти!

— Ты кто такой? И почему здесь орешь? — спросили духи-привратники.

— Бегите сейчас же и доложите этим негодяям, что пришел Кун У-сунь.

Когда привратники доложили о появлении Кун У-суня, первый начальник всполошился.

— Ведь мы изловили Сунь У-куна. Откуда же взялся еще какой-то Кун У-сунь! — воскликнул он.

— Бояться нам теперь нечего, дорогой брат, — сказал второй начальник. — Ведь волшебные талисманы в наших руках. Вот погоди, я возьму сейчас тыкву и пойду выловлю его.

— Только смотри, будь осторожнее, брат, — предупредил его первый начальник.

Захватив с собой тыкву, второй начальник вышел из пещеры и тут увидел перед собой существо как две капли воды похожее на Сунь У-куна, только пониже ростом.

— Ты откуда взялся? — спросил начальник.

— Я младший брат Сунь У-куна. Узнав о том, что вы захватили моего старшего брата, я пришел ссориться с вами.

— Да, я действительно поймал его, — подтвердил начальник. — Сейчас он заперт у нас в пещере. Ну, раз уж ты явился сюда, мы померяемся с тобой силами. Однако я не хочу прибегать к помощи оружия. Я предлагаю тебе другое: сможешь ты откликнуться на мой зов?

— Подумаешь, испугал! — презрительно хмыкнул Сунь У-кун. — Да зови меня хоть тысячу, хоть десять тысяч раз, я откликнусь!

Тут дух, держа в руках свой волшебный талисман, прыгнул в воздух и, повернув тыкву дном вверх, крикнул: «Кун У-сунь!» Однако Сунь У-кун молчал.

«Если я отзовусь, — думал он, — то тут же попаду в тыкву».

— Что же ты не отвечаешь? — крикнул начальник.

— У меня что-то уши заложило, — сказал Сунь У-кун, — ничего не слышу. Ты крикни погромче.

— Кун У-сунь! — снова крикнул дух.

В это время Сунь У-кун что-то подсчитал на пальцах и подумал:

«Ведь мое настоящее имя Сунь У-кун, а дух позвал Кун У-суня. Поэтому, если я сейчас откликнусь, это не окажет никакого действия».

Подумав так, Сунь У-кун не удержался и откликнулся.

И в тот же миг его как бы подхватило вихрем, и он очутился в тыкве. А надо вам сказать, что в тыкву попадал всякий, стоило ему только отозваться, независимо от того, правильно ли было названо его имя.

Итак, очутившись в тыкве, Великий Мудрец оказался в полном мраке. Он попробовал было стукнуть головой о крышку, но тыква была крепко-накрепко закупорена. Сунь У-кун заволновался.

«Как-то в горах я встретил двух духов, — припомнил он, — и они сказали мне, что тот, кто попадет в тыкву или кувшин, через час и три четверти превратится в гной. Неужели и со мной произойдет то же самое? Нет, — решительно отверг он эту мысль, — не может этого быть! Пятьсот лет назад я учинил буйство на небе и после этого попал в волшебную печь к Лао-цзюню, в которой пробыл сорок девять дней. Однако ничего из этого не вышло, только мои сердце и печень стали золотыми, легкие — серебряными, голова — медной, плечи — железными, глаза — огненными. Так разве могу я после этого в течение такого короткого времени превратиться в гной? Ладно, посмотрим, что будет».

Между тем второй начальник духов вернулся в пещеру и сказал:

— Ну, дорогой брат, принес.

— Кого принес? — спросил первый начальник.

— Кун У-суня, — отвечал тот. — Он у меня здесь, в тыкве.

— Присаживайся, мудрый брат мой, — радостно сказал первый начальник. — Только осторожно, не тряси тыкву. Встряхнем ее немного погодя, и как только услышим булькающие звуки, так и откупорим.

«В тыкве, кроме меня, никого нет, — подумал Сунь У-кун, — что же может тут булькать? А, булькать, видимо, буду я сам, когда растворюсь. А не помочиться ли мне? Они подумают, что я превратился в жидкость, откроют крышку, а я воспользуюсь случаем и сбегу. Черт бы их побрал! Нет, пожалуй, это будет плохо, — продолжал он размышлять. — Я запачкаю мой халат. Подожду-ка я лучше, пока они начнут трясти, а сам в это время стану полоскать рот. Они услышат, откроют крышку, а я сбегу».

Приняв решение, Великий Мудрец успокоился и стал ждать. А духи снова начали пить вино и оставили тыкву в покое. Вдруг Великий Мудрец воскликнул:

— О небо! Да у меня уже посох растворился.

А духи и не думали трясти тыкву.

— Мать честная! — снова воскликнул Великий Мудрец. — Да я уже растворился наполовину!

— Когда он наполовину растворится, — сказал тут первый начальник, — можно считать, что все в порядке. Ну, давай откупорим тыкву и посмотрим, что там делается.

Услышав это, Великий Мудрец вырвал волосок и произнес: «Изменись!» — и волос тотчас же превратился в половину тела, которая укрепилась у отверстия тыквы. И как только второй начальник духов откупорил тыкву, Великий Мудрец вылетел на волю. Здесь он перевернулся, снова превратился в Ихайлуна и стал в стороне А вы помните, вероятно, что Ихайлуна посылали за старой колдуньей. Между тем первый начальник духов повертел тыкву, заглянул в отверстие и увидел на дне половину тела. Не подозревая обмана, он крикнул:

— Закрывай, брат, скорее закрывай! Он еще не совсем растворился!

Второй начальник снова закупорил тыкву.

«Даже и не подозревают, что я здесь», — злорадно улыбнулся Сунь У-кун.

Между тем первый начальник взял чайник с вином, налил полный бокал и, подойдя ко второму начальнику духов, обеими руками почтительно поднес бокал ему.

— Мудрый брат мой, — сказал он. — Прими от меня этот бокал.

— Дорогой брат, — отвечал тот, — ведь мы с тобой давно уже пируем здесь. Для чего же тебе понадобилось сейчас преподносить мне этот бокал?

— Я должен преподнести тебе не один, а несколько бокалов за твои заслуги, — отвечал первый начальник. — Ты поймал Танского монаха, Чжу Ба-цзе, Ша-сэна, связал Сунь У-куна и, наконец, поймал Кун У-суня.

Второй начальник духов не мог, конечно, отказаться от тех знаков внимания, которые оказал ему старший брат. Однако, как на зло, в одной руке у него была тыква, а принять бокал одной рукой он, конечно, не посмел. Тогда он передал тыкву Ихайлуну и двумя руками принял поднесенный ему бокал. Ему и в голову не приходило, что перед ним, в образе Ихайлуна, стоит сам Сунь У-кун. Посмотрели бы вы, как бережно принял этот хитрец тыкву.

Осушив бокал, второй начальник духов хотел, в свою очередь, преподнести бокал своему старшему брату.

— Не надо, — остановил его первый начальник, ничего не подозревая, и они продолжали церемонно уступать друг другу.

А Сунь У-кун, держа на голове тыкву, не сводил глаз со своих врагов. Он быстро сунул переданную ему тыкву в рукав, затем выдернул у себя волосок и, превратив его в точную копию тыквы, которую держал в руках, почтительно передал ее духу. А тот изрядно выпил и уже не мог различить — настоящая эта тыква или подделка. Не глядя, он взял у Сунь У-куна талисман.

После этого оба духа уселись на свои места и продолжали пить. А Великий Мудрец спокойно ушел.

«Какими бы чарами эти духи ни владели, а тыква в конце концов оказалась у меня в руках!» — радостно подумал он.

О том, какие трюки проделывал Сунь У-кун и как ему удалось спасти учителя и уничтожить духов, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287313>